

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Орган правления Союза писателей РСФСР

ПЯТНИЦА,

16

НОЯБРЯ

1962 г.

№ 136 (714)

Год издания 5-й

Цена 4 коп.

В ПОИСКАХ ГЕРОЯ

ЗАМЕТКИ
ДРАМАТУРГА

И. КУПРИАНОВ

КАЖДЫЙ РАЗ, когда я заканчиваю работу над новой пьесой, ставлю точку, у меня появляются два чувства. Первое — неудовлетворенность. Мне почему-то кажется, что, если бы я начал пьесу писать теперь, я интереснее мог бы разработать сюжет, ярче выписать характеры, найти более оригинальное решение замысла. Второе чувство — грусть. Не знаю, как кому, а мне бывает немножечко грустно. Точка в работе драматурга, как известно, означает, что пришел час расставания с пьесой и ее героями, с которыми ты прожил определенную жизнь, делился сокровенными мыслями и чувствами и которые за это время стали для тебя родными и близкими. Как в жизни тяжело нам расставаться с друзьями, точно так же и в творчестве.

Эти чувства возникают, очевидно, потому, что за каждым литературным персонажем стоит живой человек, которого ты когда-то знал, с которым ты общался и который чем-то тебе глубоко запал в душу. Тут же хочется оговориться, что далеко не все персонажи приходят к нам, драматургам, в результате личных встреч с людьми. Иной раз они приходят к нам из рассказов добрых разговорчивых попутчиков. Но каким бы путем они к нам ни приходили, так или иначе, все они из жизни. И у каждого свои привычки, своя философия, свои симпатии и антипатии, свой мир мыслей и чувств, своя судьба, свой характер.

Поиски новых героев для любого писателя — основа основ творчества. Жизненный материал — это тот самый фундамент, на котором стоит наша литература. Чем больше писатель знает человеческого судеб, тем богаче галерея его образов. В этой взаимосвязи есть диалектическая закономерность. К сожалению, эта довольно ясная истина нередко забывается некоторыми нашими молодыми писателями.

В печати, в устных выступлениях на творческих дискуссиях нас, драматургов, довольно часто обвиняют за то, что в наших пьесах мало ярких художественных образов. Нас обвиняют за схематизм в обрисовке человеческих характеров, а иногда и за надуманность, и объясняется все это нередко отсутствием мастерства. Что ж, эти упреки во многом справедливы. Герои многих пьес действительно страдают схематизмом. Но я никак не могу согласиться с тем, что виной тому только отсутствие мастерства. На мой взгляд, главная причина состоит все же в плохом знании жизни, человеческого судеб. Когда драматург знает жизнь, когда у него имеются живые прототипы, ему незначительно заниматься сочинительством, придумыванием человеческих судеб, человеческих характеров. Этим занимаются обычно ремесленники.

Драмодель никогда не считали для себя обязательным знание жизни. Для них главное — ловко выстроить сюжет, придумать ситуации позаквыристей, покрепче завязать интригу, а остальное, мол, приложится.

Я отнюдь не хочу умалять огромного значения мастерства. Без знания законов драматургии пьесы не напишешь. Для драматурга обязательно умение организовать материал, выстроить сюжет, создать характер, поэтически осмыслить явление. Но обязательно и другое — жить жизнью своего народа, знать его настроения, мысли, чувства.

В последнее время у нас появилось довольно много пьес, скроенных по всем «законам» драматургии, однако большинство из них остается за пределами литературы. Почему? А потому, что в них нет главного — современного человека. Правда, некоторые персонажи употребляют такие, например, слова, как «космос», «РТС», «совнархоз», «семилетка», «ракета», «невесомость» и т. д. и т. п. Но все это только фон, видимость современности, на самом же деле в подобных пьесах нет подлинного духа

времени, ибо его можно выразить только через человека.

Творчество писателей старшего поколения — Н. Погодина, Б. Ромашова, Вс. Вишневского, Б. Лавренева для нас, драматургов, является наглядным примером, ярким подтверждением тому, какое огромное влияние оказала на их творческую судьбу связь с жизнью народа. Плодотворное влияние жизни можно наблюдать и на творчестве молодых писателей, побывавших на стройках, на целине, а в дни войны — на фронте.

МОЙ творческий опыт невелик. Моя творческая биография, по существу, еще только начинается. Но даже первые шаги в драматургии позволяют мне сказать о том, как благотворно влияние на творчество непосредственных жизненных наблюдений.

После поездки на строительство Иркутской и Братской гидроэлектростанций я написал пьесу «Сын века», после знакомства с бумажными комбинатами Калининграда и Балахны — пьесу «Мой брат». Поездка к нефтяникам Татарии позволила мне приступить к работе над пьесой «Голубая лента».

Правдивое отображение современности требует от нас, литераторов, сегодня, как никогда, глубокого знания жизни, а главное — душевного склада человека. Я не верю, просто не представляю себе, чтобы кто-либо из драматургов, не выходя из своей квартиры, мог написать интересную пьесу о наших современниках. Бурное течение жизни нельзя уловить, почувствовать в четырех стенах.

Писателю нужен воздух, простор, общение с самыми различными людьми. Я знаю: кое для кого это может прозвучать азбучной истиной, но я не стыжусь ее повторить хотя бы потому, что нахожусь под впечатлением недавних поездок по стране. В сентябре этого года я по заданию газеты «Правда» побывал в Свердловске и в Нижнем Тагиле. Я видел, как горняки добы-

вают руду, как сталевары варят сталь. Я видел, каким героическим трудом уральцы добывают новую славу Урала. Я видел их борьбу за счастье своей Родины.

Я еще не знаю, хватит ли у меня сил и способностей написать пьесу о людях Урала. Но мне хотелось бы, чтобы пьеса об уральцах была по жанру эпической поэмой. Уж очень красивые люди живут и работают на наших уральских заводах!

Кстати, именно с таким настроением я уезжал и из Сибири, после того как побывал в Братске и в Иркутске.

Много интересного увидел я там. Меня поразило обилие прекрасной отечественной техники. Я от души порадовался, что на наших стройках все трудоемкие работы, в прошлом тяжелые, сегодня выполняют машины, исключительно послушные воле рабочего человека.

Но особенно сильное впечатление на меня произвели люди, встречи с рабочими и инженерами.

И в Иркутске, и в Братске я встретил немало подлинных энтузиастов своего дела, романтиков нашего замечательного времени. Я увидел энергичных, инициативных инженеров, находчивых и изобретательных рабочих, влюбленных в свой труд. Меня искренне порадовало их высокий духовный облик, широта их взглядов на жизнь, круг их интересов, масштаб их мыслей. Нет, наш современник — это не робот, не механический исполнитель чужой воли. Для него труд — творчество!

Труд — творчество! Это великолепно, прекрасно!

Беседуя с рабочими-сибиряками, я все время ощущал в их поведении, в их высказываниях людей в высшей степени государственных. Для них интересы страны, партии — это и их интересы.

Этот факт весьма примечателен. Над ним нельзя не задуматься, берясь за изображение жизни рабочего человека. Эта черта, на мой взгляд, является сегодня определяющей в характере советского человека шестидесятых годов двадцатого века.

(Окончание на 2-й стр.)

326

В ПОИСКАХ ГЕРОЯ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

В ПОСЛЕДНЕЕ время мы довольно часто говорим, что наши герои живут рядом с нами. С этим нельзя не согласиться. Герои, действительно, живут рядом с нами. В этом особенно меня убедила поездка в Сибирь, на строительство Иркутской и Братской гидроэлектростанций.

Как-то в один из субботних дней я зашел в комитет комсомола Иркутской ГЭС. В маленькой комнатке было, как всегда, людно и шумно. Молодые люди о чем-то горячо и страстно спорили. На столе лежал чертеж. Послушав одного, другого оратора, я понял, что речь шла о строительстве танцплощадки. Я подумал тогда, что так страстно могут спорить только молодые. Не скрою, мне было очень приятно смотреть, как кипит молодость.

Заседание комитета комсомола вскоре кончилось. Молодежь начала расходиться по домам. В это время в комитет вошла девушка. Невысокая, смуглолицая, с удивительно живыми, озорными глазами, в черном комбинезоне. На туфельках следы глины. Она вошла робко, а потом вдруг громко сказала: — Секретарь, а знаешь, я сегодня на газету подписалась, только не знаю на какую.

— Как же так? — переспросил секретарь комитета комсомола, который внешне чем-то очень был похож на Пушкина. — Может быть, на «Комсомолку»?

— Так, — подтвердила девушка. Секретарь бросил беглый взгляд на ее одежду, сказал:

— Что же это вы в таком наряде в гости к нашим подшефным войнам едете?

— А я не в гости, я на встречу.

— В таком наряде ни один солдат в вас не влюбится, — пошутил секретарь.

— Кому надо будет, тот на наряд не посмотрит...

Вскоре из подшефной воинской части пришли машины, и комсомольские активисты, а вместе с ними и девушка в черном комбинезоне уехали.

В машине, по дороге в Иркутск, я попросил секретаря комитета комсомола рассказать об этой девушке.

— Понравилась? Любопытнейшая у нее биография.

И вот, что он рассказал:

— Ее отец был офицером-пограничником. В первые дни войны пал смертью героя. Тогда же погибла и ее мать. Кто-то из военных подобрал девочку и привез в Ленинград. Там, в дни блокады, ее несколько раз удочеряли ленинградцы. Голод косил людей. Девочка под конец осталась одна, попала в дурную компанию, и результат — склямя подсудимых. Как несовершеннолетней, ее отправили в исправительно-трудовую колонию. После амнистии прибыла на стройку.

Я заинтересовался судьбой этой девушки, познакомился. Первые характеристики рабочих были не в ее пользу. Одни говорили, что она слишком груба, другие рассказывали про ее «художества» — ругается, пьет водку. Были и такие высказывания: «Не место подобной на стройке».

Но по-инному посмотрели на девушку в партийном комитете и в комитете комсомола строительства Иркутской ГЭС. Подали ей теплую дружескую руку, и девушка потянулась к людям, к коллективу. Почувствовав доброе к себе отношение, она начала выпрямляться. Гру-

бость оказалась бравадой и не больше. А главное, на стройке вернули ей веру в людей.

Настя Буланова своим появлением в пьесе «Сын века» целиком обязана девушке в черном комбинезоне...

ТАМ же, на строительстве Иркутской ГЭС, я встретился с еще одной интересной судьбой, которая позволила мне создать образ партийного работника стройки — Федора Федотовича Большакова.

Перед перекрытием Ангары на строительстве Иркутской ГЭС состоялось партийное собрание. Оно было на редкость интересным. Рабочие говорили остро о том, что необходимо сделать, чтобы успешно провести перекрытие Ангары. Собрание кончилось, но жаркие споры продолжались. Я заговорил с рабочими и отстал от товарищей, с которыми должен был ехать в Иркутск. До города 15 километров. Катера на Ангаре уже не ходили. В это время ко мне подошел один из партийных работников и, узнав о том, что мне негде ночевать, пригласил меня к себе. За ужином мы разговорились. Оказалось, что до войны он был пограничником и что в первые дни войны потерял жену и дочь.

— Столько лет прошло, — сказал партработник, — а я никак не могу смириться с мыслью, что их нет в живых.

Особенно трудно было ему поверить в смерть дочери. Ему казалось, что она где-то бродит по земле без отца, без матери.

— В каждой девочке-сиротке дочь свою вижу...

Слушая рассказ этого скромного человека, я проникся к нему исключительным уважением. В этом рассказе он как-то весь раскрылся, я увидел в нем человека большой и красивой души.

Из жизни мною взяты и многие другие персонажи. Я думаю, читателям небезынтересно будет узнать, например, и о том, откуда появился в пьесе «Сын века» подхалим и склочник Подхватов.

После Великой Отечественной войны я служил в Калининграде. Там в областной газете работал один довольно бойкий журналист, отличавшийся от других тем, что никогда не высказывал вслух собственного мнения. Он обладал удивительной способностью улавливать авторитетное мнение «высокого начальства», был, как говорится, человеком на подхвате. Однажды я ему сказал: «А знаешь, я обязательно тебя выведу в своей пьесе под фамилией Подхватов». Он усмехнулся, видимо, не поверил. Но когда я стал работать над «Сыном века», я его вспомнил. Он очень мне пригодился.

Желая заострить этот тип, я наделил его чертами характера еще одного хорошо знакомого мне человека, который очень любил стalkerить лбами людей. Одному он говорил: «Знаешь, что про тебя говорит твой дружок...» — и тут же выливал ушат грязи. Другому нашептывал примерно то же самое. Друзья постепенно переставали дружить. Атмосфера на работе становилась невыносимой. А любитель стalkerить людей лбами стоял в сторонке и хихикал себе в кулак, был страшно доволен, что два доверчивых чудака так легко попались на его удочку.

КАК видите, жизнь дает нам множество интереснейших судеб и характеров. К сожалению, мы иногда, в силу своего невнимания, проходим мимо.

На строительстве Братской ГЭС я встретился с очень интересным человеком. Шел дождь. Я ехал на самосвале в Зеленый городок. В рабочем поселке к нам в машину попросился пожилой человек. С ним был мальчик лет пяти. Мы ос-

тановили машину. Этот человек с мальчиком ходил за картошкой. Мальчик держал в руке пачку печенья. В кузове мы разговорились. Я спросил, а где же мать? Пожилой человек, экскаваторщик, сказал, что у мальчика нет матери, что он усыновил его. Человек этот был на фронте шофером, попал в плен, после плена — заключение. Освобожден по амнистии.

А через некоторое время я прочитал рассказ «Судьба человека». М. А. Шолохов написал прекрасный рассказ. И мне было радостно, что подобная судьба нашла достойное отражение. Но было и горько, что я-то прошел мимо такого же на редкость интересного человеческого материала.

ОДНО время в среде литераторов довольно оживленно шли дискуссии на тему, где должен жить писатель. Лично мне эти дискуссии представляются бесплодными, никчемными. Дело не в том, где живет писатель, а в том, какой он интерес проявляет к жизни, к нашим современникам.

Летом этого года мне пришлось прочитать довольно много пьес. Среди них были пьесы и начинающих авторов, и опытных. Причем некоторые драматурги живут в областях и республиках, где сегодня строятся новые заводы, гидростанции, где имеются большие трудовые коллективы со сложившимися традициями.

Но впечатление от многих пьес такое, словно все в них от начала и до конца придумано. Придуманы ситуации, конфликты, придуманы люди. Становилось очень обидно. Ведь авторы-то этих пьес живут в самой гуще народной жизни. А жизнь эту, подлинных наших современников они вроде бы и не видят...

Беда состоит еще и в том, что некоторые драматурги старшего поколения судят о нашем современнике по своим впечатлениям 30-х и

40-х годов. А он ведь сегодня уже иной — изменился, вырос. На его характере, на его взглядах отразились животворные идеи, мудрые решения XX и XXII съездов КПСС.

В печати, на творческих дискуссиях у нас довольно много говорится о таланте, и это очень хорошо, но, говоря о таланте, мы часто забываем сказать о том, что он начинается с умения писателя дружить с людьми, с умения видеть жизнь, отбирать из нее все значительное и интересное.

А. Д. Попов, один из прекраснейших мастеров советской сцены, как-то сказал мне: «Драматург обязательно должен уметь дружить с людьми. Чем больше он знает людей, тем богаче он сам, его палитра. Искусство драматурга состоит в умении заставить людей раскрыть свои сердца, вызвать собеседника на откровенный разговор». К этим словам, очевидно, можно добавить: искусство драматурга еще состоит и в умении чувствовать дыхание современной ему жизни, понять, отличить в ней главное, определяющее.

Я НЕ назвал в этой статье ни фамилий авторов, ни их пьес не потому, что я побоялся испортить с товарищами по перу добрые отношения, нет. Просто все, о чем я говорил, имеет прямое отношение ко всем нам, драматургам. Недостаточное, а порой непостижительно слабое знание жизни — в какой-то степени наш общий грех.

Для настоящего художника, по моему, театр — это общественно-политическая трибуна. Но, чтобы говорить с народом о жизни, мы сами должны хорошо ее знать.

Интересно, красиво, духовно богато живет наш чудесный современник. Что же может быть прекраснее, более почетнее для драматурга, чем запечатлеть его в своих произведениях. Хочется еще и еще раз повторять:

— Да! Наши герои живут рядом с нами!